

АНАТОЛИЙ
ЛУКЪЯНОВ

МНЕ
ВЫПАЛО
СЧАСТЬЕ...

А. ЛУКЬЯНОВ
(биографическая справка)

Анатолий Федорович Лукьянов родился в 1919 году в городе Судогде, Владимирской области, в семье служащего.

Печататься начал в 1937 году. С 1938 года он работает литсотрудником местной городской газеты «Большевик». Через год его призывают в ряды Советской Армии.

В настоящее время А. Лукьянов — офицер. Член КПСС с 1944 года.

Анатолий Лукьянов много ездил по стране, в течение нескольких лет проходил службу на крайнем Северо-Востоке нашей Родины. Мысли и чувства, навеянные природой родной средней полосы и сурового северного края, нашли свое воплощение в стихах сборника «Мне выпало счастье».

С 1944 года стихи А. Лукьянова печатаются в журналах — «Пограничник», «На боевом посту», «Дон», литературном альманахе «Дон», в газетах: «Красная звезда», окружных армейских, областных и городских газетах — «Пятигорская правда», «Советская Колыма», «Рабочий путь» (г. Смоленск), «Молот» и др.

Сборник «Мне выпало счастье» — первая книга стихов А. Лукьянова.

Многоуважаемой
Елизавете Владимировне
Питровой

от папы Марины

Анатолия

8 марта 1961.

2. Родов и Доу

РОСТОВСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Дорогая Елизавета Владимировна

Поздравляю с Днем

8-е марта. Желаю

здоровья, успехов в работе

и личного счастья

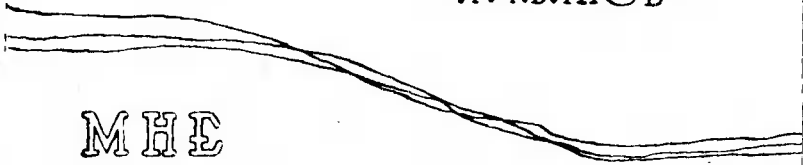
8 марта 1961. Лукьянов

изогиз

Художник А. Белов

16 X 1160 3—1024 Т. 800 000
Ц. 10 к (с 1/161 г. 1 к)
Полиграфкомбинат г. Калинин 3. 1268

АНАТОЛИЙ
ЛУКЬЯНОВ

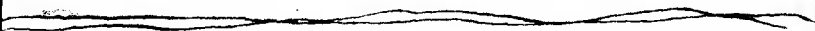

МНЕ

ВЫПАЛО

СЧАСТЬЕ...

С Т И Х И

РОСТОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1959

ПАРТБИЛЕТ

Многое забудется,
А это
Никакие не сотрут года.
Красный цвет
Партийного билета
С кровью сердца слился
Навсегда.
... День вручения.
Взрывы рушат зданья.
Я перед полковником стою:
— Главное партийное задание —
Быть на первой линии в бою.
Подбодрил меня он добрым словом
И согрел руки своей теплом...
Тот седой полковник из Ростова
В братской Праге спит последним сном.

Слева, там где сердце,
В день вручения
Партбилет
Бесценной ношей лег,
Но его великого значенья
Я тогда постичь еще не мог.
Вроде я не стал другим,
Но все же

Что-то подтянуло
Вдруг меня:
Стал к себе я
Относиться строже
С этого вот памятного дня.

Как в бою,
Так в годы созиданья
Те слова напутствия в груди:
— Главное партийное задание —
Быть повсюду только впереди.

И когда я в чем-то ошибался
И своих не доставало сил, —
К партии тогда я обращался,
В ней всегда опору находил.

Мне она не делает поблажек,
По-солдатски требуя с меня.
Партия!
Она всегда на страже,
На передней линии огня.

...Многое забудется,
А это
Никакие не сотрут года.
Красный цвет
Партийного билета
С кровью сердца слился
Навсегда!

У КАРТЫ РОДИНЫ

Отцовский дом... кусты смородины...
Сосновый бор на берегу...
Гляжу и вижу дали Родины
И наглядеться не могу.

Передо мной кружки и линии
На карте оживают вдруг.
Я вижу реки светло-синие,
Что жилками легли вокруг.

Я вижу города, деревни,
Над сизым плёсом древний бор.
Как родники, курганы древние,
Морщины гор,
Глаза озер.

Пути, что мною были пройдены,
И те, что вновь вперед зовут.
И каждый день
На карте Родины
Приметы новые встают.

Иной в грядущем семилетии
Отчизны карта предстанет.
И все, что партия наметила,
Народ на карту нанесет.

Там ГЭС поднимется плотиною
Над покоренною рекой.
Качнется над землей целинною
Пшеничный колос наливной.

Там молодое море далями
Раскинется в краю лесном,
А там стальными магистралями
Мы бездорожье зачеркнем.

Уже штурмуем высь ракетами.
Пройдут недолгие года,
Настанет срок,
Когда с планетами
Мы свяжем Землю навсегда.

Огнями строек
Даль расцвечена,
Зовут дела
И цель ясна.
И все,
Что партией намечено,
Мы знаем,
Сбудется
Сполна.

И все родное и обычное —
Все необычней и родней,
Неотделимо счастье личное
От счастья Родины моей.

Ты все дала мне полной мерою,
Открыла даль,
Что так ясна.
В тебя, как в жизнь,
Всем сердцем верую,
Ты для меня,
Как мать,
Одна.

СОСНЫ

Как всегда и зелены, и юны,
Пахнущие хвоей и смолой,
Натянулись сосны, словно струны,
Между облаками и землей.

И когда, пройдя в зеленом дыме,
Ветер прикоснется к ним легко,
Запоют стволами золотыми
Радостно, раздольно, широко.

В этом шуме властная свобода
И такая сила —
Не сломать...
Ведь родная, гордая природа
Человеку нашему под стать.

* * *

... О дожде и теплом лете,
О веселой мошкаре,
Об охотничьем рассвете,
Рыбной ловле на заре,
О воркующей речушке
В непролазном ивняке,
О тоскующей кукушке
Где-то в роще, вдалеке, —
Не проси, чтобы об этом
Рассказал тебе другой,
Поброди-ка, встав с рассветом,
По тропинке луговой.
Раздвигая ветки, бором
По грибным местам пройди,
Заверни к глухим озерам
И затоны огляди,
Наклонись над незабудкой,
Посмотри, как день хорош...
И тогда душою чуткой
Ты почувствуешь, поймешь,
Что всегда — зимой и летом —
Дорог сердцу край родной.
Не проси же, чтоб об этом
Рассказал тебе другой.

* * *

Легли на папоротник блики.
Поляны сушит солнцепёк.
Сплошные россыпи брусники
По колеям лесных дорог.

От них забытые тропинки
Ведут в зеленый полумрак,
Где костянички, как кровинки,
Неслышно капают в овраг,

Где боровик на толстой ножке
Стоит под елкой на виду,
Куда опять по старой стезе
Я обязательно приду.

БЕРЕЗА

За околицей колхоза
И ветвиста и стройна
Белоствольная береза
Далеко вокруг видна.

Словно вылеплен из воска
Каждый лист ее резной.
И цветет, цветет березка
Светлой русской красотой.

Сердце, как лесная птица,
Рвется к ней под сень ветвей.
Для меня она — частица
Милой Родины моей.

* * *

Грибные владенья.
Лесная прохлада.
Певучая бронза ветвей и стволов.
На кочках, где влажно,
С черникою рядом
Упруго щетинится болиголов.

На мшистой поляне,
Раздвинувши хвою,
Волнушки на трубчатых ножках сошлись,
Бок о бок с могучей смолистой сосною
Веселая поросль
Тянется ввысь.

Защёлкала сойка,
Ей сразу ответил
С соседней сосёнки веселый вьюрок.
А бор,
Словно горница,
Выметен, светел,
И слышно далеко,
Как хрустнет сучок...

* * *

Опушка в золотых накрапах.
Снуют шмели со всех сторон.
Плывет с лугов медовый запах
От свежесмётанных копён.

Все сушит зной дыханьем жгучим.
Над головой — лишь синева.
Весь день высматривает тучи
На желтых некосях трава.

Но стороной на белых лапах
Уходят молча облака.
И только гари терпкий запах
Несется вновь из сосняка.

У ЛЕСНОЙ ОПУШКИ

У лесной опушки, где вокруг брусничник,
Где сошлись березы, словно на девичник,
В босоногом детстве, вставши с петухами,
Я ходил с лукошком в рощу за грибами.
Нынче роща стала стройной и высокой,
Пруд прошедшим летом позарос осокой.
Но опять, как раньше, жгуча росяница,
Где-то бойко-бойко тенькает синица.
Я давно тут не был, потому и слаще
Мне пахнуло прелью из зеленой чащи,
Хвоей и смолою, плесенью грибною,
Всей неповторимой сыростью лесною.
Снова захотелось, вставши с петухами,
Побежать, как в детстве, в рощу за грибами,
Где по всей опушке покраснел брусничник,
Где сошлись березы, словно на девичник.

* * *

Еще грóма не смолкли раскаты,
Еще катятся капли с ветвей,
И к земле колокольцы примяты,
И журчит на дороге ручей.

Но уже предвещается вёдро.
На покосах паруют стога.
Взмыли стаи стрижиные бодро,
И вполнеба — цветная дуга.

ЛИСТОПАД

В низинах плотный слой тумана.
Все злей ночами ветра свист.
Упал осенним утром рано
С кленовой ветки первый лист.

Летя к земле, сухой, колючий,
Он нижние листки сбивал...
Припомнилось:
На горной круче
Так начинается обвал.

Серебряные паутинки,
Дрожа, цеплялись за кусты.
И еж по узенькой тропинке
На иглах в нору нес листы.

Носились стаи шумных галок,
Кричавших что-то невпопад.
Был день неповторимо ярок
И шел по рощам листопад.

* * *

Погасло лето.
Прежней нет теплыни.
Дымит туман в лощине у реки.
Лег на поля холодным пеплом иней.
Чернеют галки, словно угольки.

А с полдня дождь тяжелые дробинки
Из тучи отливает над жнивьем.
Кисельной жижей расплзлись тропинки,
По ним теперь, наверно, не пройдем.

Стегает ветер веткой вяза хлестко
По доскам покосившихся ворот.
И, словно лист, с глухой стены известка
Нет-нет да и неслышно упадет.

Похолодало.
Но тепло от вести,
Что распирает склады урожай.
И мать, с утра измазав руки в тесте,
Несет на стол румяный каравай.

НА ДОНУ

На берегу баркас с замшелым дном,
А рядом сохнет сеть на краснотале.
Клинком казачьим в мареве степном
Дон врезался в пылающие дали.

В степи гремят моторы день-деньской.
Черны от пыли комбайнеров лица:
В разгаре жатва, золотой рекой
Шуршит, стекая в кузова, пшеница.

Играет всеми красками восход.
За ворот пробирается прохлада.
Сверкая белизной, электроход
Торопится в Ростов из Сталинграда.

Клокочет пена за его винтом.
А где-то там известная станица:
Задумался писатель за столом,
Пред ним раскрыта новая страница.

И кажется, уздечкою звеня,
Как наяву, росистой тропкою
Провел Григорий Мелехов коня,
Пошла, грустя, Аксинья за водою.

Но в этот миг ватагой озорной,
Визжа, нырнули с берега ребята.
Старик, стуча березовой ногой,
Заковылял за ними вслед из хаты.

Удилище, как пику, держит он.
По всем приметам, будет клёв богатым.
На зорьке розовеет тихий Дон,
А воздух пахнет чебрецом и мятой.

СВАДЬБА

Легковые, грузовые...
Только снег столбом летит.
На передней — молодые,
За рулем жених сидит.

По лугам, лесным отрогам
Намела снега метель.
Рассыпает по дорогам
Зимний вечер белый хмель.

Весь колхоз — у новой хаты,
Что отводят молодым,
Верховодят властно сваты
Всем питейным и съестным.

Расставляют угощенья
По столам на пир честной.
В этот день и предправленья
Потерял совсем покой.

Прямо с ходу, с поворота,
Как ведется с давних пор,
Свадьба въехала в ворота,
Наполняя шумом двор.

Для приветственного слова
Председатель вышел сам:
— Все к веселию готово,
Просим милости к столам.

Молодым желая лада,
Я отметить буду рад:
Наш жених —
Жених, что надо,
И невеста —
Тоже клад.

Лучше нет доярки. Лестно
Говорит о ней район.
А жених?
Сержантом честно
Прослужил в пехоте он...

То не ветром закачало,
Из-под ног подняло пыль —
Гармонисты для начала
Дружно начали кадрили.

... Но на свадьбе той богатой
Был один, что все курил;
Не в пример другим ребятам,
Тостов он не говорил.

Молча всё дымил махоркой,
Водки-браги в рот не брал.
В полном смысле слово «горько»
В этот миг воспринимал.

Подойду к нему я.
Все же
Веселей курить вдвоем.
Мне невеста снилась тоже,
Да к чему теперь о том...

... В эту ночь не зря к порогу
Намела сугроб метель.
На студеную дорогу
Густо падал белый хмель.

* * *

Дождик льет на славу,
Каждый кустик взмок.
Где была канава,
Там теперь поток.

Девушка смешная
С мокрою косой
Встала, и страшна ей
Рытвина с водой.

Как тут не помочь ей,
Жердочку кладу,
Через мост непрочный
Девушку веду.

И тогда мне даже
Было невдомек,
Что два сердца свяжет
Шаткий тот мосток.

* * *

Не сердись.
Пойдем, где с бухтой схожий
Плещет луг зеленою волной.
Посмотри, как в этот день погожий
Тень идет от тучки наплывной.

Ничего она не изменила,
Скрылась за курган — и не видна.
Только разве четче оттенила
Луговые нежные тона.

Всякий ли ее в тот миг заметил,
Как она по разнотравью шла.
Полдень был безоблачен и светел,
Полон ярких красок и тепла.

Не похожа ли вся наша ссора
Вот на эту тучку ясным днем.
Ни обид...
Ни грусти... Ни укора...
Все прошло.
Остались мы вдвоем.

ВЛАДИМИР

Ах, хорош наш славный Владимир-
город,
Словно солнце красное
над Клязьмою.

Из старинной
народной песни.

Отступает предутренний холод.
Никнут вишни под яркой росой.
Ах, хорош наш
Владимир-город,
Словно солнце
Над Клязьмой-рекой.

Входит день в Золотые ворота,
Величав их покой на заре.
И горит куполов позолота
На Рождественском монастыре.

Золотые ворота...
Россия
Словно смотрит сама с этих стен.
Их не тронули орды Батыя,
Не коснулся их времени тлен.

Этот город с годами дороже —
Мне его никогда не забыть:
Он прожить без меня, знаю, может.
Только мне без него
Не прожить.

Я к нему всей судьбою причастен, —
Зачиналась тут тропка моя.
Потому позабыть я не властен
Эти милые с детства края...

По садам и по скверам зеленым
Проползает лиловая тень.
Но не мертвым церковей перезвоном
Древний город приветствует день.

Тишина, как стекло, раскололась.
Покатилась росинкой звезда.
Слышишь, Тракторный пробует голос,
На Москву отошли поезда.

Густо красит вишневым соком
Крыши зданий заря. А гудки
Не стихают под небом высоким.
С добрым утром,
Друзья,
Земляки!

МСТЕРА

И сейчас еще живы рассказы,
Как с тоской по бескрайней стране
Шли владимирские богомазы
С коробами икон на спине,

Как творили в рублёвском стиле
На дощечках лики святых
И о счастье их скорбно молили
Непонятных, немых и глухих.

Выводя чудотворцев лица,
Проклинали свой труд даровой,
Потому и иконы с божницы
Изливались земною тоской.

Только вера в святых не крепчала.
И на ярмарках шумных подчас,
Очень грустной насмешкой звучало
Слово брошенное — богомаз.

В наше время то слово забыто,
Не узнаешь бывшее село —

Мстѣра стала теперь знаменитой,
И искусство ее расцвело.

Вдохновенны рисунки цветные,
Краски радуют сердце и глаз,
В них вложил все мечты вековые,
Что до срока хранил, богомаз.

ГУСЬ-ХРУСТАЛЬНЫЙ

Гусь-Хрустальный.
Тихий город,
Славный город хрусталей.
Он любим поселком молод,
Каждой улицей своей.

Есть в нем улица прямая,
В палисадниках резных.
Для меня она такая,
Что милей,
Родней других.

Там под крышею покатой
Вижу я
Отцовский дом,
Из трубы дымок кудлатый,
Куст сирени под окном.

Тополей сквозные стены.
С пруда тянет холодком.
По утру проходят смены
На завод под тем окном.

По росистым тротуарам
К проходной спешат с утра

Стеклодувы, стекловары —
Дел хрустальных мастера.

В трудовой семье рабочих
Узнаю друзей своих
И смысленных, и охочих
До работы за двоих.

Вот поднес легко к алмазу
Мастер тонкое стекло.
И оно узором сразу
Заиграло, зацвело.

Расплескалась на стакане
Зелень ближних тополей,
И зажглось на острой грани
Солнце, бросив сноп лучей.

Ты с пристрастием особым
Посмотри хрусталь на свет
И на звон его попробуй,
Верю, скажешь:
Лучше нет.

Да, отметить можно смело,
Что работа хороша.
Крепко знает мастер дело.
Вдохновенная душа!..

* * *

Мне выпало счастье
Скитаться по свету,
И праздный покой
Мне неведом.
Я лучше пешком
Обойду всю планету,
Чем стать соглашусь домоседом.

И мне не впервой
Под дождем и в метели,
В лесах, на крутых перевалах
Уснуть на шинели, укрывшись шинелью,
На кратких дорожных привалах.

На всех перепутьях своих,
Повсеместно,
И хлебом делясь и мечтами,
Встречал я товарищей верных и честных,
С открытыми дружбе сердцами.

И все,
Что я лучшее в сердце имею,
Собрать помогли,
Примечаю,
Хорошие люди
Мне дружбой своею,
И тем же я им отвечаю.

* * *

Костер потух.
Предутреннею мглой
На миг укрылись на поляне ели.
Из чащ дохнуло сыростью лесной,
И угли под золой порозовели.

Вот утренник стряхнул с калины сон,
И тени между веток посветлели,
Росинку обронил кукушкин лен,
И где-то проскрипели коростели.

Белесый месяц таял в облаках.
Дрозды в подлеске просыпались в гнездах.
И густо был
На хвое и цветах
И на живой воде
Настобен воздух.

* * *

Зеленый ковер из пружинистых мхов.
Корье. Плавуны.
И сырые лощины.
Мучнистая масса упавших стволов
И вечная дрожь тонкоствольной осины.

Как змеи, по влажной земле расползлись,
Корежась, свиваясь в узлы, корневища.
Гнилушки в дупле светляками зажглись.
Какая-то птица неистово свищет.

Скрестили в объятье немом над землей
Тяжелые сучья столетние ели.
И солнце, сквозь голубой полосой,
Доходит сюда меж листвою еле-еле.

Давно муравьями лесными обжит
Трухлявый пенек с отгнивающей кожей.
А лес беспокойно шумит и шумит.
И мне он с годами родней и дороже.

Когда-то тут детство бродило мое.
На старых стволах нахожу его метки.
Хрустит под ногами, как прежде, корье,
На плечи ложатся по-дружески ветки.

* * *

Поди, теперь у нас весною,
Поднялись к солнцу зелены,
И жаворонок над землею
Висит до сумерек, звеня.

Поди, всю ночь, не умолкая,
Грустит гармошка у ворот.
Стеной озера обступая,
В лесах черемуха цветет.

Поди, бессонницей страдают
Ребята ночи напролет,
Девчата на цветах гадают:
Разлюбит иль к груди прижмет.

Поди, не молкнут птичьи стаи,
В лугах и рощах — благодать.
Такой весны, как в нашем крае,
На целом свете не сыскать.

ЗИМА

Все ниже ртуть, все злее холод.
Лютует вьюга по лесам.
И чей-то неуемный молот
Кует морозы по ночам.

На белом прясле у прогона,
Где все тропинки занесло,
Сидит голодная ворона
И молча смотрит на село.

Вокруг следы бегут к овину,
Хитро петляют по бугру.
Вновь кто-то обглодал осину
И под курятник рыл нору.

Задорно тенькают синицы.
И, чтобы стало веселей,
Седок, стянувши рукавицы,
Бежит впритруску у саней.

Поднявшись утром спозаранку,
Забыв про холод и ветра,

На горке легкие ледянки
Обкатывает детвора.

Мороз крепчает, жжет на славу.
Все жарче топятся дома.
Признаться, нам она по нраву,
Лихая русская зима!

БАЙКАЛ

Хлупают волны
В расщелинах скал,
В солнечных искрах
Струя ключевая.
Кто же той песни простой
Не певал,
Берег знакомый встречая...

Песнь эту
Ссылный подпольщик любил,
Вспомнив про Шилку
И глушь Акатую.
«Старый товарищ
Бежать пособил,
Ожил я, волю почуя...»

Стены Берлина
Мотив сотрясал,
Пели в рейхстаге
России солдаты:
«Эй, баргузин,
Пошевеливай вал,
Слышатся грома раскаты...»

Вымыт прибрежный песок
Добела.

Омуль плеснул
Под замшелой кормою.
Весла рыбацьи —
Два легких крыла —
Спорят с упрямой волною.

Сосны столпились
У горной гряды,
Где отдыхали
Когда-то бродяги.
Путник с ладони
Напился воды —
Самой живительной влаги.

Вновь за Слюдянкой
Состав простучал,
Перед тоннелем
Свой ход замедляя.
«Славное море,
Священный Байкал», —
Песня летит не смолкая.

* * *

По суткам покоя не зная,
Пролив Лаперуза шумит.
Вскипает волна штормовая
И грудью идёт на гранит.

Омытый соленой водою,
С ветрами один на один
Огромной зеленой грядою
На траверзе встал Сахалин.

У мыса Крильон в синей рани
Касатки возню завели.
Едва проступает в тумане
Полоска не нашей земли.

Тут чувствуешь близость границы,
Хоть нет полосатых столбов.
Кричат беспокойные птицы
Над желтою пеной валов.

Багряные блики рассвета
Над гребнями шире, светлей,
Темнеют вдали силуэты
Военно-морских кораблей.

* * *

Куда ни посмотришь,
Снега и снега.
И воздух остужен до звона.
У полюса холода стонет тайга
На белой земле Оймякона.

И кажется, все омертвело вокруг.
Лег плотный туман на низины.
Не выдержав собственной тяжести, сук
Срывается гулко с вершины.

Пусть жгучая стужа все злее и злей,
Идем мы тайгой,
Как обычно.
Повсюду родная земля,
А на ней
Любая погода привычна.

О ТЕПЛЕ

Ночью стужей градусник расколот.
Кажется, на свете нет тепла.
На краю земли, где снег да холод,
Долгая зима сурова, зла.

Но грустя о солнце и о лете,
Так скажу:
И зимы хороши...
Трудно лишь переносить на свете
Холод
Человеческой души.

* * *

Последнюю льдину о скалы
Легко расколола вода.
Опять покидают причалы
И в море уходят суда.

Паруют на солнце долины,
Все ярче над ними лучи.
И греют озябшие спины
На мокром песке сивучи.

Друг друга в пути окликая,
Над серым заливом Креста
Гусей торопливая стая
Спешит на родные места.

По суткам студеное море
Гремит штормовую волной.
И пахнут таежные зори
Слегка подогретой смолой.

В ПУТИ

В обнимку ели мшистою стеною
Стоят, не пропуская луч дневной,
Опавшей хвоей, прелою травой
Пружинит под ногами перегной.

Зеленый мрак.
Зайдешь — и не вернешься.
Начнешь плутать в урочище глухом.
И с топором сквозь ветви не пробьешься:
Вокруг трясина, дебри, бурелом.

Я на пути своем оставляю метки,
Чтоб не было с товарищем беды,
Пусть видит он надломанные ветки
И ножевые на стволах следы.

Пусть ему подскажут те приметы,
Как по тайге уверенно пройти.
Не заблудиться б только в чаще этой
И, главное,
Других не сбить с пути.

ПОЕДИНОК

Сопки и таежные отроги
Потонули в дымке голубой.
Два лесных красавца круторогих
Спозаранку завязали бой.

Заревели, сшиблись, навалились —
Каждый мускул вздулся на ногах.
Отскочили, снова изловчились,
Как мечи, ударили рога.

Треск и фырк, тяжелое сопенье,
Вздрагивают потные бока.
Старый лось свалился на колени,
Грохнули о твердый пень рога.

Молодой, трубя, пошел по лесу,
И лосиха, ветку откусив,
Раздвигая хвойную завесу,
Отзвалась на его призыв.

ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ

Их манили земные просторы,
Недоступность глухой стороны.
Следопыты, ловцы и поморы
Были страстью к исканьям полны.

Отправлялись пешком иль на кочах,
Чтобы новые земли найти,
И светили морозные ночи
Им полярной звездою в пути.

Шли колумбов российских отряды
По колымским безлюдным местам,
По бескрайним равнинам Канады.
По Аляски крутым берегам,

Раздвигая родные просторы,
Утверждали границы страны.
Следопыты, ловцы и поморы
Были страстью к исканьям полны.

И не будут они позабыты,
Те пути, по которым прошли.
Имена их навечно отлиты,
Словно в бронзу,
На карте земли.

ИВАН ЕРАСТОВ

Повис сапсан * над самой головой,
Болтает кочи ** ледяной волной.

Безлюдье, сопки, стеклышки озер,
На горизонте — цепи низких гор.

Глядят вперед семнадцать казаков
Из-под руки на синий дым хребтов.

Сюда влекли их смелые сердца,
Пути, казалось, не было конца.

Студеным морем приходилось плыть
И голодать, и на морозе стыть.

И говорит Иван Ерастов:
— Мы

Стоим в просторном устье Ковымы ***.

Кишат чащобы дорогим зверьем,
Земля богата золотым песком.

Но не ступала ни одна нога
До нас еще на эти берега.

* Птица отряда хищных.

** Палубное речное судно с веслами и парусами.

*** Старое название Колымы.

Поставим у реки царев острог,
Чтоб русский край надежно он стерег...

И заходили топоры в руках,
Смолою воздух, как весной, запах.

Бревно к бревну, за срубом новый сруб
Закладывал пришелец-трудолюб.

Росли на новых улицах дома:
Так обживаться стала Колыма.

Не заржавел строителей топор,
И звон его мы слышим до сих пор.

Он вплеся в рокот электропилы,
Пропахшей острым запахом смолы,

В железный лязг лебедек за окном,
Где по соседству строят новый дом...

ЗОЛОТОЙ ОЛЕНЬ

Волчьей стаей в сопках завывая,
Колобродит, буйствует пурга.
День и ночь от края и до края
В буреломе мечется тайга.

Дикою, глухой и нелюдимою
Сотни лет она такой была,
В чащаре своей непроходимой
От людей все тайны берегла.

И Ерастов, и пытливый Дежнев,
Раздвигая ширь родной земли,
По крутым безлюдным побережьям
В глубь ее углов медвежьих шли.

Много смельчаков перебивало:
Дальний край богатствами манил,
Только тайн земля не выдавала,
Вечных тайн металлоносных жил.

А в легендах, жарких разговорах
Жил давно, бродя тайком, как тень,
На колымских девственных просторах
Золотой неведомый олень.

Говорили, будто он скрывался
По каньонам да у горных рек.
Только с ним покуда не встречался
Ни один на свете человек.

Но лежали по безлюдью клады,
Их скрывали топи и снега,
Стерегли звериные засады,
Им была хозяйкою тайга.

Разжигались низменные страсти
И тряслась над золотом рука,
Но оно не приносило счастья —
Жизнь была дешевле медяка...

Побеждая тяжкие невзгоды,
Пробиваясь сквозь колымский снег,
По путевке партии, народа
Вышел к бухте русский человек.

Оглядев из-под руки отроги,
Что лежали в дымке голубой,
Никакой не видел он дороги,
Кроме троп звериных пред собой.

Наготове лошади и нарты,
И понятно было лишь одно:
Уточнять не раз придется карты,
Белых пятен здесь полным-полно.

В этом крае,
Где так редко солнце,
Где так долги месяцы зимы,
Стал тот человек землепроходцем
Девственных просторов Колымы.

От его палаток и хибарок
Начал этот край свой светлый путь.
А пока чадил свечной огарок,
Лютый холод не давал заснуть,

Волосы припаивал к подушке,
На щеках ожоги оставлял

(Но сходили мертвой кожи стружки) —
Только шрам о них напоминал.

Не спасали в холода палатки.
А в мечтах он сквозь ночной туман
Различал огни поселка Атки,
Будущий далекий Магадан.

Годы пронеслись на быстрых нартах.
Словно было все давным-давно.
В наше время на колымских картах
Не отыщешь белое пятно.

Не мечтой о призрачном богатстве
Труженики Севера живут.
И якут, и русский
В вечном братстве
Для себя все блага создают.

Оттого милее и дороже
Этот край,
Что воскресили мы.
И на песнь хорошую похожа
Трудовая доблесть Колымы.

* * *

Не найдешь, пожалуй, хоть весь мир изъезди,
Ярче и крупнее северных созвездий.

Вон звезда зеленым ледяным осколком
Засветилась тихо над лесным поселком.

Захотелось вспомнить той звезды название,
Но, быть может, это — мертвое сиянье.

Нет ее, остался только свет зеленый,
Миллионы лет когда-то излученный.

Но звезда и мертвой исчезать не хочет,
Ярко светит людям над землей все ночи.

ЛОСЬ

Бурей мятая опушка.
Старых лиственниц стена.
По камням гремит речушка
И мутна, и холодна.

Кабарги пугливой стадо
К водопою пронеслось.
У таежного каскада
Перешел поляну лось.

Порубь, чахлые деревья,
Клочки рвани на шестах —
Позабытого кочевья
Разметенный ветром прах

Иль геологоразведки
Позаброшенный привал...
Лось раздвинул тихо ветки,
Бок линиялый почесал.

Вдруг сторожко вскинул уши,
Видно он к тому привык,
Неподвижно долго слушал,
Как профыркал грузовик.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Черна, как дегтярная гуща,
Вода в нем до самых краев.
Вокруг непролазная пуща,
Безлюдье таёжных лесов.

Лишь плачущий крик олененка
Вблизи на поляне лесной,
Да капли, упавшие звонко,
Нарушат дремотный покой.

На мшистом бугре облепила
Поднялась колючей стеной.
И, словно Аленушка, тихо
Склонилась ольха над водой.

ГЕОЛОГ

Он погибал не раз среди болот,
Крутые скалы на пути вставали,
И все ветра арктических широт
Его колючим снегом засыпали.

Он в жизни
Все лишения познал,
Чтобы в куске породы,
Как в награду,
Сверкнул холодной искоркой металла
И путь открыл
К нетронутому кладу.

Как много надо грунта перерыть
С геологоразведочным отрядом,
Чтобы однажды
Новый клад открыть,
Который скрыт тайгой,
Возможно, рядом.

Когда на карту будет нанесен
Район, богатый дорогим металлом,
Придут прорабы вслед за ним,
А он
Опять уйдет бродить по перевалам.

* * *

Голубые долины,
Голубые снега.
Гнет сухие лесины
И ломает пурга.

Но вокруг, не смолкая,
Увлекая вперед,
Как всегда трудовая
Жизнь поселка течет.

Словно все тут обычно:
И пурга, и мороз.
В путь уходит привычно
Поисковый обоз.

Зря оконные рамы
Вьюга с петлями рвет.
Очень крепкий, упрямый
В этом крае народ.

Он найдет и отроет
Драгоценный металл,
Лишь весной под горою
Сбросит снег чернотал.

А покуда лесины
Зло ломает пурга.
Голубые долины,
Голубые снега.

* * *

Что тебе сегодня напорочить?
Скоро полночь над Москвой пробьет...
Я тебе желаю
Доброй ночи, —
В Магадане утро настает.

Бухты скрыты утренним туманом,
Между скал — крутой водоворот.
Чуть качнув крылом над Магаданом,
В дальний рейс уходит самолет.

Много на пути попутных ветров,
И мотор уверенно гудит.
Он тринадцать тысяч километров
До Москвы счастливо ~~про~~летит.

Может, на Дукче или Сеймчане
Девушки махнут ему платком.
Ведь Большую землю колымчане
Все еще зовут
Материком.

Пусть далеки и трудны дороги,
Что легли за ширью снеговой,
Нас моря и горные отроги
Не отрежут от земли родной.

Не яранги выросли в тумане
(Их теперь во всей округе нет), —
Улицы в далеком Магадане
Озаряет северный рассвет.

Как итог упорства и дерзанья,
Тех путей, которые прошли,
Ввысь поднялись каменные зданья,
Широко проспекты пролегали.

Не сошел с низин полночный холод.
Стынут сопки в дымке голубой.
Задумчиво колымчане город
Называют маленькой Москвой.

Ветровым порывом густо вспенен,
В бухте начинается прилив.
С площади глядит на город Ленин,
В будущее руку устремив.

РЕКА КОЛЫМА

Я тебя узнал не по рассказу,
Мне тебя не справочник открыл.
Ты передо мной открылась сразу,
Только лишь на берег твой ступил.

Волны непокорны и упруги,
Не по ним ли смелый караван
В неизвестный край казачьи струги
Уводил Стадухин-атаман.

Выйдя на пустынные отроги
И раздвинув хмурую тайгу,
Первые селения — остроги
Утверждал на диком берегу.

Но куда бы ни взглянул я ныне, —
Глушь забыла эти берега.
И в кету не целит на стремнине
Нищего якута острога.

От мостка тесового на стрежень,
Где осетр уходит в глубину,
Юркий катер острым носом режет
Ледяную звонкую волну.

Увидать во всем отрадно глазу,
Что обжитым край далекий стал.
Тот не колымчанин,
Кто ни разу
Пред тобой
Влюбленным не стоял.

ПОСЫЛКА

Кочуют льды
У хмурых берегов.
Над ними
Свет полярного сиянья.
Но и в краю морозов и снегов
Мы чувствуем
Большой земли дыханье.

У вас на Юге
До сих пор тепло.
И в сентябре вовсю пылает лето.
А здесь вокруг
Уже белым-бело,
На сотни верст
Земля в снега одета.

Но я забыл,
Что вьюга за окном:
Передо мной
Посылка из Ростова.
Открыл ее,
И в сердце мне
Теплом
И тихим Доном
Вдруг пахнуло снова.

Я вынимаю золотой шафран,
Что для меня
С любовью выбирали.
И сквозь морозный утренний туман
Встают передо мной
Степные дали.

Пусть за окном вокруг белым-бело,
На сотни верст
Земля в снега одета.
Сегодня мне
Особенно тепло —
Бедь у меня в гостях
Донское лето.

ЗВЕРОВОЙ

Расступились ветки. Из тумана
Вынырнула тихая поляна.
На поляне сгорбилась избушка,
Опершись на елку, как на клюшку.
Нас хозяин встретил у порога,
Оглядев внимательно и строго.
Разбросала печь по стенам блики.
Для пришедших — чай из голубики.
Приустав, гостеприимству рады,
Мы со старика не сводим взгляда.
Он сидит в углу, где связки шкурок —
Серых, белых, рыжих, чернобурых,
И ведет, не торопясь, беседу,
Как он ходит за зверьем по следу...
Тимофей Прокофьевич Соломин,
Как сибирский кедр, могуч, огромен.
Борода широкая, лопатой,
Выправка заправского солдата,
След от сабли перерезал щеку,
Враг был родом с острова Сикоку.
Не вернулся самурай на остров,
Не ушел живым от пули острей.
Не служил Прокофьевич солдатом,
Но свой край освобождал в двадцатом.
... Нет, пожалуй, крепче человека,

А коль что — в тайге своя аптека:
Панты, травы, ягоды и хвоя
Под рукой всегда у зверобоя.
Весь свой век и летом, и зимою
Бродит он с ружьем глухой тропюю.
И хотя безмолвствует чащоба,
Надо тут глядеть, товарищ, в оба.
Может приключиться и такое:
Рысь расправит когти над тобою
Или сам медведь за этим дубом
Зарычит, оскалив злобно зубы...
Но тайга охотнику знакома,
В ней себя он чувствует, как дома,
Дорога ему любой былинкой,
Каждым зверем, каждою тропинкой.
С ней сумел характером ужиться...
Вот она отрогами дымится,
Гулом отзывается по склонам,
Разнолесьем бурым и зеленым,
Где бродить ему глухой тропюю
Весь свой век и летом, и зимою.

* * *

И в долгой разлуке забуду едва ли,
Как пахнут весной таежные дали.

И первую хлюпь на болотных трясинах,
И радостный зов косяков лебединых,

Ручьев перезвон по лесному отрогу,
Размывших под елью медвежью берлогу,

Призывные песни на старых озерах,
Звериные свадьбы в оттаявших норах.

И первых подснежников синие точки
На рыжей подушке оттаявшей кочки.

Пусть тундра недолго одета травой,
Мне эта земля дорога и такую:

Скупой на тепло и на яркие краски,
Как строгая мать, к своим детям на ласки.

♦

Анатолий Федорович ЛУКЬЯНОВ

МНЕ ВЫПАЛО СЧАСТЬЕ...

Художник В. В. Силкин

Редактор Л. В. Шемшелевич.

Редактор изд-ва Н. А. Трифонова.

Худож. редактор З. А. Лазаревич.

Техн. редактор Е. А. Абрамова.

Корректор А. М. Грановская.

Изд. № 32/9990. Пл. № 38. Сдано в набор
28-II 1959 г. Подписано к печати 6-IV
1959 г. Формат 70 x 92/32. Объем 2,0 физ.
п. л. (1,0 бум. л.), 2,34 усл. печ. л.,
1,75 уч.-изд. л. Тираж 3000. ПК 06250.

Ростовское книжное издательство.
Ростов-на-Дону, Красноармейская ул., 43.
Тип. им. Калинина Облполиграфиздата
Управления культуры в Ростове-на-Дону.
Заказ № 37. Цена 70 коп.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

в книге Анатолия Лукьянова „Мне выпало
счастье“

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
5	12 снизу	Как родники, курганы давние	Как родники, курганы древние

Анаголий Федорович ЛУКЪЯНОВ

МНЕ ВЫПАЛО СЧАСТЬЕ..

Художник В. В. Силкин

Редактор Л. В. Шемшелевич

*** Трифонова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Партбилет	3
У карты Родины	5
Сосны	7
О дожде и теплом лете	8
Легла на папоротник блики	9
Береза	10
Грибные владенья. Лесная прохлада	11
Опушка в золотых накрапах	12
У лесной опушки	13
Еще грома не смолкли раскаты	14
Листопад	15
Погасло лето	16
На Дону	17
Вначале осторожно как-то	19
Свадьба	20
Дождик льет на славу	22
Не сердись. Пойдем, где с бухтой схожий	23
Владимир	24
Мстера	26
Гусь Хрустальный	28
Мне выпало счастье	30
Костер потух	31
Зеленый ковер из пружинистых мхов	32
Поди, теперь у нас весною	33
Зима	34
Байкал	36
По суткам покоя не зная	38
Куда ни посмотришь, снега и снега	39
О тепле	40
Последнюю льдину о скалы	41
В пути	42
Поединок	43
Землепроходцы	44
Иван Ерастов	45
Золотой олень	47
Не найдешь, пожалуй, хоть весь мир изъезди	50
Лось	51
Лесное озеро	52
Геолог	53
Голубые долины	54
Что тебе сегодня наирочить?	55
Река Колыма	57
Посылка	59
Зверобой	61
И в долгой разлуке забуду едва ли	63

Цена 70 коп.